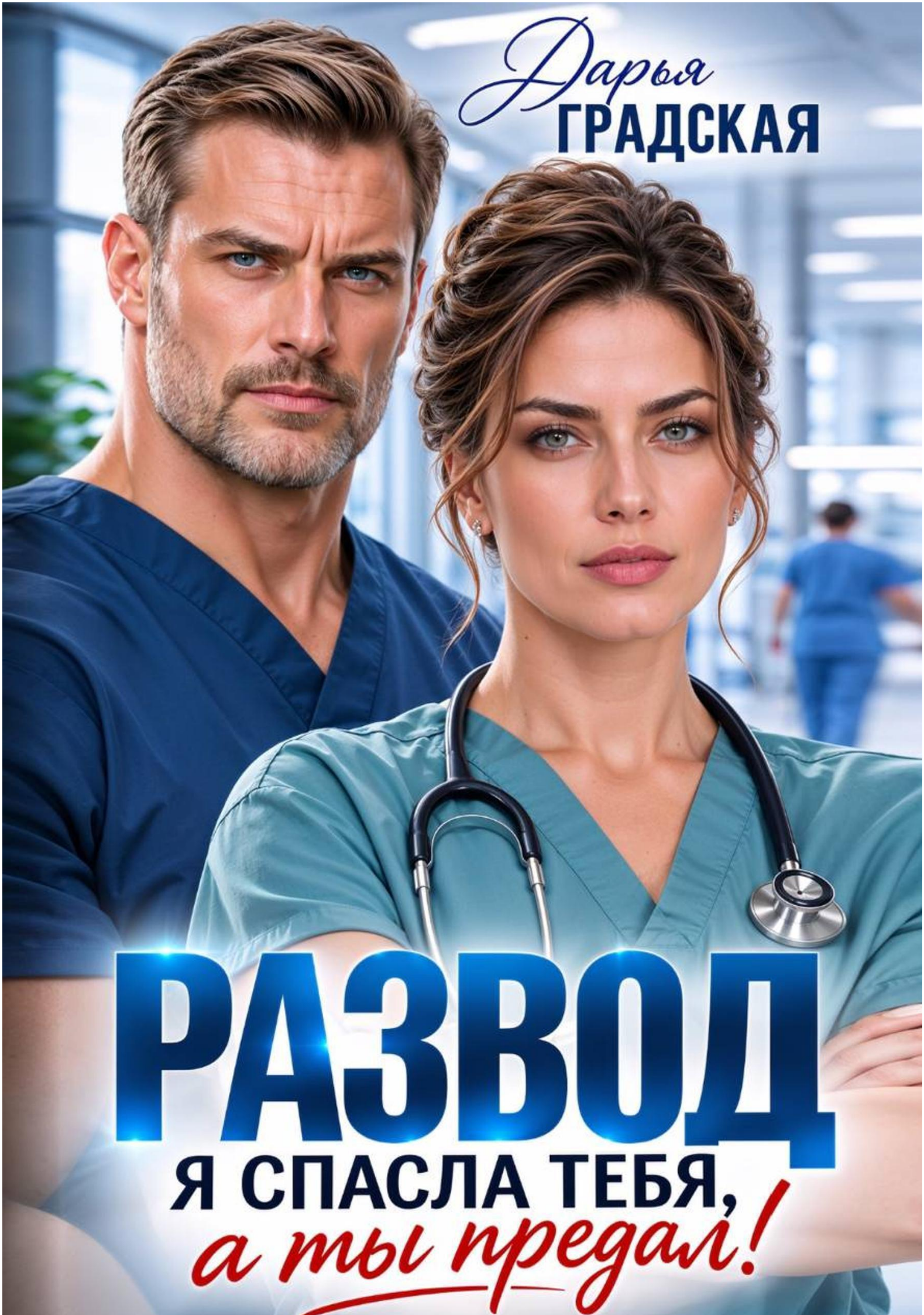

Дарья
ГРАДСКАЯ
РАЗВОД
Я СПАСЛА ТЕБЯ,
а ты предал!

Дарья Градская

Развод. Я спасла тебя, а ты предал!

«Автор»
2026

Градская Д.

Развод. Я спасла тебя, а ты предал! / Д. Градская — «Автор», 2026

— Я вытащила тебя из министерского скандала, устроила на работу в свою больницу, а ты в ответ завёл любовницу?— Лида, прекрати меня попрекать! — раздражённо бросает муж. — Ты не понимаешь, что значит для мужчины потерять всё! Ася хотя бы видит во мне успешного человека! — Восемь месяцев ты спишь с ней за моей спиной! И после этого смеешь меня обвинять?— Не драматизируй! Мы двадцать один год женаты, и это не изменится.Я смотрю на мужчину, ради которого готова была свернуть горы, и впервые вижу его настоящее лицо. Муж уверен, что я никуда не денусь, а молодая любовница поможет ему снова взобраться на вершину.Что ж, дорогой. Посмотрим, кто из нас действительно потерет всё!

© Градская Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Развод. Я спасла тебя, а ты предал!

Глава 1

Лидия

— Твоя жена устроила тебя сюда, а ты всё равно целуешь меня в её больнице, — смеётся за неплотно прикрытой дверью незнакомая женщина.

Я замираю посреди коридора, сжимая папку с уточнёнными данными по отделению. Вадим сам просил занести её: завтра организационно-методический отдел готовит сводный отчёт. Я собиралась оставить бумаги и идти домой, где мы договорились поужинать вместе. После тяжёлого дня хочется тишины.

— Лида для семьи, — отвечает муж знакомым снисходительным тоном. — Она всегда всё понимает. А с тобой я хотя бы вспоминаю, кто я на самом деле.

Два месяца назад на этой двери появилась табличка «Вадим Олегович Веденеев, заведующий организационно-методическим отделом». Вакансию нашла я, помогла подготовить резюме и уговорила мужа прийти на собеседование. После министерства он считал работу в больнице унижением. Я верила, что привыкнет.

За дверью шуршит ткань. Я толкаю её, не успев найти разумное объяснение услышанному.

Вадим сидит в кожаном кресле. На его коленях расположилась молодая женщина в светлом костюме, закинув руку ему на плечо. Муж прижимает её к себе и целует в шею. Я отчётливо вижу золотую застёжку у неё на воротнике, пока всё остальное на мгновение теряет очертания.

Женщина поворачивает голову и улыбается. Вадим вскакивает так резко, что кресло ударяется о стену. Она спокойно встаёт рядом, поправляет юбку.

— Лида? Ты почему без стука? — Муж смотрит сначала на меня, потом на дверь, будто настоящая проблема в том, что она не была заперта.

Я разглядываю его: безупречно выглаженная рубашка, дорогие часы, волосы, которые он каждое утро укладывает перед зеркалом. Двадцать один год он просыпается рядом со мной. После увольнения я сидела с ним на кухне до рассвета и повторяла, что должность — ещё не вся жизнь. Тогда он благодарил меня. Сейчас на ладони след от края папки.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Ася Климова, — представляется женщина. — Мы с Вадимом вместе работали в министерстве. Вы, кажется, Лидия Андреевна? Я вас видела на одном мероприятии.

Теперь узнаю её: на официальном приёме она стояла рядом с Вадимом, ловила каждое его слово. Тогда мне было приятно, что молодые коллеги так его ценят. На обратном пути он благодарил меня за поддержку. Ася тогда держала его телефон, пока он выступал. Я не придала этому значения: дома меня ждал любящий муж.

— Ты с ней? — Я перевожу взгляд на Вадима. — Давно?

— Давай только без сцен, — торопливо произносит он. — Мы взрослые люди. Я всё объясню дома.

Ася слегка склоняет голову:

— Восемь месяцев — это достаточно давно, по-вашему?

Восемь месяцев. Значит, ещё в марте, когда Вадим ездил на служебной машине, выступал на совещаниях и обещал нам отпуск. Потом случилась проверка. Он пришёл домой злой и подавленный, объявил, что его сделали крайним в аппаратных играх. Я поверила, обзванивала знакомых, искала вакансии, помогала собирать документы.

И всё это время у него была Ася. Пока я искала вакансии, он встречался с молодой коллегой и называл меня «семьёй».

— Я спасала твою работу, пока ты спал с ней? — спрашиваю я.

Вадим морщится, словно ему задали глупый вопрос на совещании. Раньше дома он на меня так не смотрел.

— Не превращай мои трудности в повод попрекать меня, Лида. Ты не представляешь, что значит для мужчины потерять всё. Ещё вчера со мной советовались руководители, а сегодня здесь каждый второй считает возможным учить меня работать. Ася хотя бы верила, что я ещё чего-то стою.

— Я искала тебе работу. Я была рядом, когда ты боялся, что больше никому не нужен.

— И теперь будешь напоминать мне об этом при каждом удобном случае? — Он раздражённо разводит руками. — Вот именно поэтому я ничего не могу тебе рассказать! Ты сразу начинаешь считать, кто кому обязан.

Я вспоминаю его сентябрьское «Спасибо, Лидочка, без тебя я бы не справился». Мне хочется ударить его, заставить увидеть себя моими глазами. Вместо этого кладу папку на стол. На обложке аккуратно написано название моего отделения; среди чужих вещей здесь лишь мой почерк кажется знакомым.

— Падал ты сам, Вадим. Я только помогла тебе подняться.

— Ася видит во мне мужчину, — отчеканивает он, вскинув подбородок. — Ей не нужен список моих неудач. Она понимает, на что я способен.

— Тогда живи с той, кто видит. Я подаю на развод.

Он умолкает. Ася перестаёт улыбаться и внимательно изучает его лицо.

— Ты сейчас на эмоциях, — наконец заявляет Вадим. — Мы прожили двадцать один год. Такие вещи нельзя решать за пять минут. И вообще, у меня сложный период. Можно хотя бы вести себя по-человечески?

Сегодня утром Вадим поцеловал меня на прощание, попросил не задерживаться: хотел заказать ужин. Как легко у него получается жить двумя жизнями, считая обе своими по праву. Вспоминаю утренний поцелуй и чувствую, что даже дома мне сегодня не будет спокойно.

— Двадцать один год ты только что перечеркнул сам. Остальное обсудим при оформлении развода. По рабочим вопросам обращайся ко мне как к заведующей отделением.

— Лида, прекрати говорить со мной таким тоном! — Он делает шаг, привычно тянет руку к моему локтю. Я отступаю. У него дрогают пальцы. — Ты ведь знаешь, каким я был до всего этого. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

— У тебя было восемь месяцев.

Я беру сумку у двери. Хочется скорее выйти из больницы, забраться в машину и заплакать там, где никто не увидит. Ещё час назад я любила мужа, спокойно и уверенно. Боюсь возвращаться в квартиру с его чашкой и рубашками. Привычная жизнь закончилась. С решением я не отступлю.

— Неудобно вышло, — замечает Ася, когда я берусь за ручку. — Вам бы стоило предупреждать о визитах.

Я оборачиваюсь. Ася приглаживает волосы и улыбается, словно победила в соревновании, о котором меня забыли известить. Мне хочется её задеть. Только эта победа ей достаётся уже без меня.

— Раз уж вы так много для него сделали, — тянет она, — может, вы и в министерстве тогда не всё знали?

Вадим резко бледнеет.

— Ася, замолчи! — рявкает он и впервые за весь вечер смотрит на неё с настоящим страхом.

Глава 2

Лидия

— Что именно я не знаю про министерство? — спрашиваю я, так и не отпустив дверную ручку.

Ася открывает рот, но Вадим оказывается между нами раньше, чем она произносит хоть слово. Его лицо приобретает знакомую начальственную непроницаемость, только ворот рубашки сбился, и это разрушает впечатление.

— Не слушай её. Она хочет тебя задеть. Разберёмся дома.

— У тебя было достаточно времени рассказать мне правду дома. Восемь месяцев, например.

Ася тихо фыркает. Я выхожу, не оставляя мужу возможности объявить себя ведущим переговоров. В коридоре горит дежурный свет, возле лифта стоит каталка, за соседней дверью разговаривают о завтрашнем графике. Больница живёт дальше, как жила до моего развода, о котором пока знаю только я.

В машине меня всё-таки накрывает. Сижу, сжав ключ в ладони, и вспоминаю молодого Вадима, который умел смешить меня и однажды ночью поехал за лекарством для мамы. Двадцать один год нельзя вычеркнуть одним вечером. Но прошлое не оправдывает настоящего.

У подъезда вижу его машину. Вадим добрался раньше и, вероятно, надеется убедить меня, что в его кабинете произошло что-то не столь окончательное. В квартире пахнет доставленной едой. На столе стоят две тарелки, у моей лежит салфетка с нарисованным цветком.

— Лид, прошу, давай без резких движений. Я не собираюсь уходить из семьи, — говорит он, едва я снимаю пальто.

Меня поразительно злит слово «собираюсь». Будто он милостиво объявил решение, которое все должны принять.

— Я собираюсь, Вадим. Брак закончен. И объясни, почему Ася заговорила о министерстве.

Он ставит чашку, садится и долго смотрит на свои часы.

— Аппаратные игры. Кто-то захотел освободить кресло. Ты сама знаешь, как бывает в администрации.

— Я знаю только то, что ты мне рассказывал. Почему твоя любовница уверена, что это неправда?

— Она молодая. Любит драматизировать. И сейчас не время лезть в бумажки.

Когда-то после трудного дня Вадим сам накрывал меня пледом и говорил: «Отдохни, я разберусь». Теперь он такой же спокойной фразой предлагает накрыть пледом ложь. Ставлю сумку и достаю папку с документами.

— Завтра можем обратиться в ЗАГС. Несовершеннолетних детей у нас нет. Если оба согласны, всё будет проще. Квартиру и накопления разделим спокойно, через соглашение.

— Ты подготовилась? — Он вдруг смотрит оскорблённо. — Ещё сегодня целовала меня утром, а вечером делишь имущество?

— Сегодня я увидела, чем ты занимался последние восемь месяцев. Этого оказалось достаточно.

Он подходит, пытается обнять. Я отстраняюсь, и муж, кажется, впервые понимает, что привычное движение перестало действовать.

— Подписывать ничего не стану. Нам надо остыть. Я поживу отдельно, пока ты не придёшь в себя.

Он уходит собирать вещи. Слышу, как открывается шкаф, как трещит молния чемодана. Хочется разбить тарелку, швырнуть его рубашки, но я сижу, сжимая ладони под столом. Две нетронутые порции ужина убираю в холодильник: других разумных действий сейчас немного.

Вадим появляется с чемоданом. В дверях он всё ещё ждёт, что я остановлю его. Не дождавшись, сообщает, что снимет квартиру неподалёку, и оставляет связку ключей на полке. Это его решение. Я не выгоняю собственника из общей квартиры; только прошу сообщать заранее, если ему понадобится забрать остальные вещи.

Ночью я просыпаюсь от тишины. Вадим никогда не был шумным человеком, однако теперь отсутствие его дыхания рядом заметнее городского гула за окном. Я плачу, уткнувшись лицом в подушку, и злюсь на себя за слёзы. Потом перестаю злиться. Боль не голосование за возвращение мужа.

Утром в отделении старшая медсестра Тамара Петровна Орехова приносит мне график и задерживает на мне взгляд.

— Лидия Андреевна, вы сегодня как после трёх ночных дежурств. Можно я сама разберу заявки на расходники?

— Буду благодарна. Только дайте мне список, если возникнут спорные позиции.

Она не расспрашивает. Ценю людей, умеющих замечать усталость без расспросов. Принимаю двух пациентов, обсуждаю выписку с лечащим врачом, проверяю новую маршрутизацию.

В обед встречаюсь с Натальей Романовной Елисеевой, юристом по семейным делам. Она внимательно слушает короткий рассказ без подробностей, которые мне пока трудно произносить.

— Если супруг не согласен подавать совместное заявление, — объясняет она, — обращаемся в суд. Его возражение может затянуть рассмотрение, но не заставит вас сохранять брак против воли. Имущество разумно обсуждать отдельно, особенно если вы готовы к соглашению.

Мне нравится её деловая манера. Никто не спрашивает, уверена ли я после стольких лет. Мы уточняем документы, сроки подготовки и порядок подачи иска. Наталья Романовна пишет перечень на листе, который я складываю в сумку аккуратнее, чем вчерашний больничный отчёт.

Возвращаюсь в больницу к вечернему обходу. Вадим стоит у стеклянной двери моего отделения. Он всё ещё носит министерские костюмы. При виде меня выпрямляется.

— Ты записалась к адвокату? — спрашивает он. По тому, как он произносит это слово, я понимаю, что он уже узнал или догадался.

— К юристу. Иск будет подан.

— Надо же, как быстро. После всего, что я пережил, ты решила окончательно меня добить.

— У тебя есть рабочий вопрос? Через десять минут у меня совещание в отделении.

Вадим раскрывает рот, готовясь возмутиться, и замечает Тамару Петровну, которая идёт к нам с журналом. При постороннем он мгновенно принимает другой вид: спокойный, уязвлённый, благородный.

— Лидия Андреевна, — произносит он с подчёркнутой учтивостью, — я ожидал от вас большего понимания.

Старшая медсестра проходит мимо, не поднимая глаз. Я же вдруг ясно вижу, что муж начал превращать наш развод в рабочую постановку. Ему нужна публика, даже если она состоит из одного человека.

Вечером я достаю из сумки список документов для суда. Рядом на столе лежит оставленный Вадимом ключ. Завтра я соберу копии, а на следующей неделе подам иск. Муж намерен затянуть то, что не имеет права решать за меня. Значит, придётся действовать последовательно, без надежды на его великодушие.

Глава 3

Вадим

В съёмной квартире нет даже нормального места для костюмов. Шкаф узкий, плечики дешёвые, рубашки приходится укладывать в два ряда. Я стою перед открытой дверцей и впервые понимаю, какое значение имеет гардеробная в собственном доме. Лида, конечно, скажет, что можно просто купить другие плечики. Она всегда умела свести крупную проблему к хозяйственной мелочи.

Звоню в администрацию прежнего департамента. На экране телефона по-прежнему высвечивается имя секретаря, прежде отвечавшей с первого гудка. Сейчас линия занята, потом разговор оказывается коротким: «Вадим Олегович, передам, когда будет возможность». Полгода назад после такой фразы мне приносили бумаги на подпись. Теперь вежливость звучит как отказ.

Днём в больнице выясняется, что квартальную сводку нужно подготовить самому. Я могу с ней справиться за час, но вопрос в принципе. Где мой прежний аппарат? Где специалисты, которые выстраивали данные по моему замечанию? В организационно-методическом отделе люди обращаются ко мне уважительно, однако все заранее знают, сколько у Лиды пациентов и как она руководит отделением. Моё имя то и дело произносят рядом с её именем, словно раньше меня вовсе не существовало.

Вечером еду к Асе. Она встречает меня в светлом свитере, от которого у меня сразу становится лучше настроение. Ася целует меня в щёку и ведёт в комнату. На полке стоят фотографии с министерских мероприятий. На одном снимке я за кафедрой, Ася в первом ряду. Каким уверенным кажется человек на фотографии. Словно его место в мире обозначено рамкой и табличкой.

— Ну как там твой дворец? — интересуется она, садясь рядом. — Из кабинета хоть видно что-нибудь, кроме больничной парковки?

— У меня нормальная должность. Отдел важный, отчётность на мне.

— Я знаю. Просто раньше ты решал вопросы, от которых зависел регион, а теперь сводишь таблицы. Тебе самому разве не тесно?

Её слова будто возвращают мне кислород. Значит, она тоже видит нелепость моего положения. Лида вечно твердила: «Главное, что ты работаешь и зарабатываешь». Ася понимает масштаб.

— Это временно. Я ещё вернусь на высокий уровень. Связи никуда не делись.

— Тогда покажи, что они работают. Моим знакомым нужен профилактический день в твоей больнице. Выход на отделение, нормальная площадка, знакомство с главврачом. Это не министр, но хотя бы начало.

Я вспоминаю папку с эмблемой «Вектор-Мед». Летом её принесли на мой стол, когда Ася ещё называла меня человеком, способным одной подписью ускорить целый регион. Разумеется, подпись не была разрешением. Требовались другие заключения, приложения и внутренние визы. Я это видел. Сотрудник осторожно указал на недостающие бумаги, а я сказал подготовить положительную записку для дальнейшего рассмотрения. Потом завизировал её сам. Хотел показать, что умею двигать процессы. Хотел, чтобы Ася смотрела на меня, как смотрела тогда.

После проверки все сделали вид, что именно моя виза нарушила основы служебного порядка. Я мог доказывать, что такие решения не редкость, но риск окончательного дисциплинарного решения оказался слишком велик. Ушёл раньше, чем мне указали на дверь. Лида слышала лишь мою версию об аппаратной борьбе. Ей хватило. Её доверие иногда было поразительно удобным.

— Профилактический день? — уточняю я, возвращаясь к разговору. — Если организация готова предоставить материалы, можно рассмотреть предложение.

— Я знала! — Ася оживляется, кладёт ладонь мне на колено. — Вот такой ты мне нравишься. Ты же умеешь открывать двери, Вадим.

Она не спрашивает, как я живу отдельно от жены. И хорошо. Семейные обстоятельства на фоне будущих возможностей всегда были занятием для тех, кто не способен думать шире. Хотя вчера Лида показалась мне необычно суровой. Я был уверен, что после ночи она напишет. Вместо этого пришло сообщение о встрече с юристом.

— Лида подала на развод? — спрашивает Ася, словно прочитав мои мысли.

— Ещё нет. Наговаривает, грозится. Двадцать один год нельзя перечеркнуть по одному недоразумению.

Ася убирает ладонь.

— По одному? Вадим, мы восемь месяцев вместе. Ты до сих пор считаешь меня недоразумением?

Я тороплюсь объяснить, что имел в виду не её, а способ, которым Лида всё узнала. Разговор неожиданно делается неприятным. Ася хочет ясности; Лида тоже хочет ясности. Обе забыли, что у меня сейчас самый тяжёлый период за всю карьеру. Мне следовало бы получать поддержку, а не два разных ультиматума.

Мы ужинаем, и я рассказываю о бывших коллегах, которые ещё обязаны мне некоторыми услугами. Ася слушает с привычным интересом. Временами спрашивает, сколько сейчас платят заведующему больничным отделом, и я отвечаю расплывчато. Размер оклада вдруг кажется почти интимной подробностью.

— В конце концов, ты ведь руководишь методической работой, — говорит она. — Значит, можешь организовать обсуждение предложения. Остальное я возьму на себя.

— Конечно. Лидия руководит пульмонологией. Она прекрасно понимает, как важны профилактические инициативы.

Про себя добавляю: и прекрасно знает, сколько мне стоило нынешнее место. Мы поссорились, но служебные вопросы должны оставаться разумными. Не станет же она при главврач позорить собственного мужа. Даже разводиться с умом выгоднее, чем сжигать мосты.

Ася провожает меня до двери и говорит уже без улыбки:

— Мне недостаточно обещаний о том, каким большим человеком ты был. Докажи, что на тебя ещё можно рассчитывать. И начни со своей больницы.

Пока еду обратно, всё время слышу её последнее «докажи». Завтра надо выяснить, кто принимает такие предложения, и добиться, чтобы Лида взглянула на бумаги. Ей легче это сделать, чем мне объяснить Асе, почему от моей прежней власти остался только красивый костюм.

Глава 4

Лидия

— Если перекрыть вентиляцию на всё утро, у меня отделение остановится, — говорю я и поворачиваю к присутствующим лист с графиком.

Главный инженер Константин Петрович Добрынин смотрит на таблицу, потом на меня. Мы знакомы давно, но обычно встречаемся коротко: он занимается оборудованием и зданиями, я — пациентами. Сегодня приходится искать решение вместе. В старой части корпуса предстоит модернизация вентиляции, а автор первого графика почему-то решил, что больных можно разместить в любом свободном помещении, как коробки при переезде.

— В какое время у вас меньше всего плановых процедур? — спрашивает Константин.

Я объясняю, когда удобнее ограничить доступ к двум палатам и как организовать перевод пациентов внутри отделения. Он задаёт уточняющие вопросы, не пытается показать, что лучше меня знает работу пульмонологов. Высокий, широкоплечий, коротко стриженный, с несколькими светлыми прядями у висков, он удерживает лист на столе большой ладонью, пока я отмечаю нужные окна времени.

— Такой вариант технически можно проверить, — решает он. — Я вернусь с уточнённым графиком. Найдём удобный способ.

— Очень хотелось бы, чтобы удобный был не только для рабочих, — отвечаю я.

Он слегка улыбается:

— Именно поэтому разговариваю с вами, Лидия Андреевна.

От двери раздаётся покашливание. Вадим появляется в безупречном костюме, с папкой под мышкой. В больнице он словно пытается компенсировать отсутствие министерского кабинета одеждой, которая сама должна внушать уважение.

— Коллеги, попрошу ускориться. Отчётная подготовка и так идёт со сбоями. Мне нужен утверждённый график к понедельнику.

Константин спокойно отвечает, что согласование займёт столько времени, сколько требуется для безопасной работы. Я уточняю, что прежде чем передать график, должна проверить распределение пациентов. Муж смотрит на меня тем взглядом, каким недавно пытался заставить замолчать в собственном кабинете.

— Лидия Андреевна, не будем создавать трудностей на пустом месте.

— Если вы принесёте конкретный вопрос по отчётности, отвечу в рабочем порядке, — произношу я. — Технический график мы согласуем с главным инженером и администрацией больницы.

Вадим уходит раздражённый. Мне не доставляет радости его недовольство. Я ещё слишком хорошо помню, как он приезжал за мной после ночных дежурств и грел машину зимой. Теперь он делает вид, что наше знакомство даёт ему право распоряжаться моим отделением.

После встречи Константин идёт со мной по коридору. В руках у него несколько чертежей; одну свободную руку он использует, чтобы придержать тяжёлую дверь. Я уже собираюсь поблагодарить и отправиться к себе, когда он останавливается.

— Вы сегодня очень точно обозначили ограничения. С тем графиком мы действительно наломали бы дров.

— Пациентов сложнее собрать обратно, чем неправильно составленную таблицу.

— Замечание запишу большими буквами для своего отдела.

Я смеюсь неожиданно для себя. Первый раз за эти дни смеюсь без усилия и сразу замечаю, что Константин смотрит на меня чуть дольше, чем требует обычная вежливость. От этого становится неловко. Поправляю ярко-синий шарф, который успела накинуть поверх халата перед встречей, и возвращаюсь в отделение.

Тамара Петровна уже распределила утренние обязанности. Один пожилой пациент тревожится, что работы помешают лечению; я подробно объясняю порядок, обещаю предупредить о каждом временном перемещении. Разговор успокаивает его, а меня возвращает к привычному ощущению почвы под ногами. Врачебную компетентность нельзя отобрать изменой мужа. Никакой чиновничий титул не сделает Вадима ответственным за людей, которые доверились мне.

В середине дня приходит служебное письмо из организационно-методического отдела: частная организация предлагает провести на базе больницы профилактическую акцию с консультациями для населения. Просят рассмотреть предварительный комплект материалов, указать возможность участия пульмонологов и доступные помещения. Письмо направлено нескольким руководителям подразделений. Подписи моей там, разумеется, нет.

Я откладываю документы до завершения приёма. Вечером читаю текст внимательно. За бодрыми обещаниями «комплексной помощи населению» скрываются рекламные буклеты частного медицинского центра, а распределение медицинской ответственности изложено крайне расплывчато. Сначала это кажется обычной сырой инициативой. Таких писем десятки.

Вадим перехватывает меня у лестницы.

— Предложение по профилактике видела? — спрашивает он так, словно вчерашнего разговора не было.

— Видела. Пакет пока предварительный.

— Хорошие люди занимаются. Если будет нужно, помогу им пройти организационный этап. Там связи ещё с министерских времён.

Он произносит слово «связи» с явным удовольствием. Я отвечаю, что изучу бумаги и дам профессиональную позицию, когда будут понятны условия. Вадим сразу теряет интерес к разговору. Ему, похоже, хотелось услышать согласие ещё до того, как я прочитала предложение.

Уже собираясь закрыть файл, замечаю название организации на последней странице — «Вектор-Мед». Почему-то задерживаю взгляд. Оно кажется знакомым, хотя медицинские центры с похожими названиями встречаются повсюду. И вдруг вспоминаю Асю, её довольное лицо, вопрос о министерстве и тот страх, с которым муж заставил её замолчать.

Я снова раскрываю письмо, нахожу строку с контактным лицом и сохраняю документ. Пока совпадение ничего не доказывает. Но теперь мне впервые хочется узнать, какую именно историю Вадим так настойчиво просит оставить в прошлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.